

БЕНДЖАМИН СТИВЕНСОН

**КАЖДЫЙ
В НАШЕЙ СЕМЬЕ
КОГО-НИБУДЬ
ДА УБИЛ**

Санкт-Петербург

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44
С 80

Benjamin Stevenson
EVERYONE IN MY FAMILY HAS KILLED SOMEONE

Copyright © Benjamin Stevenson, 2022
First published by Michael Joseph Australia
This edition published by arrangement
with Penguin Random House Australia Pty Ltd.
The moral right of the author has been asserted
All rights reserved

Перевод с английского Евгении Бутенко
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-23023-1

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

Вы обещаете, что детективы в ваших книгах будут тщательно и честно разбирать преступления, используя те умственные способности, которыми вам было угодно их наделить, не полагаясь при этом на Божественное Откровение и не используя женскую интуицию, заговоры, мошенничество, совпадения или вмешательство Бога?

Клятва членов Клуба детективов — тайного общества создателей криминальных романов, в которое входили Агата Кристи, Г. К. Честертон, Рональд Нокс и Дороти Ли Сэйерс. 1930 год

- 1) Преступник должен быть упомянут в начале истории, но не должен являться тем героем, за мыслями которого читателю позволено следовать.
- 2) Все сверхъестественные или противоестественные факторы рассматриваются как нечто само собой разумеющееся.
- 3) Допустимо использование только одной потайной комнаты или прохода.
- 4) Не допускается применение еще не открытых ядов или других приспособлений, которые потребуют в конце долгого научного объяснения.
- 5) Необходимы примечания автора: вышедшие из употребления, устаревшие выражения отредактированы.
- 6) Несчастные случаи никогда не должны помогать детективу, и он не должен быть наделен чрезмерной интуицией, благодаря которой оказывается прав.
- 7) Детектив сам не совершает преступлений.
- 8) Детектив не должен заострять внимание на каких-либо уликах, которые не будут немедленно представлены на суд читателя.
- 9) Глуповатый друг детектива, Ватсон, не должен скрывать мысли, пронсящиеся у него в голове; его сообразительность лишь слегка, в очень небольшой степени уступает сообразительности среднего читателя.
- 10) Братья-близнецы и двойники не могут появляться в повествовании без должной подготовки к этому.

*Рональд Нокс.
Десять заповедей автора детективов,
1929 год*

ПРОЛОГ

Каждый в нашей семье кого-нибудь да убил. Некоторые, особо продвинутые, убивали не один раз.

Я не пытаюсь драматизировать, просто описываю все как есть, и когда передо мной встала необходимость изложить историю на бумаге, как бы трудно ни было делать это одной рукой, я осознал, что выполнить задачу можно, только говоря правду. На первый взгляд это кажется очевидным, но современные авторы детективных романов иногда забывают прописные истины. Они больше сосредоточены на писательских трюках — на том, что у них в рукаве, а не в руке. Писатели Золотого века детективов — все эти Кристи и Честертоны — отличались честностью. Мне это известно, потому что я пишу книги о том, как писать книги. Тут есть особые правила, вот в чем дело. Один человек, его звали Рональд Нокс, был принят в цех детективщиков и однажды составил свой список таких правил, назвав их заповедями. Они помещены в начале этой книги как эпитафия, а эпитафии читатели всегда пропускают, но, поверьте, к нему стоит вернуться. Вообще, вам следует загнуть верхний уголок той страницы. Я не стану утомлять вас подробностями, в целом они сводятся к следующему: золотое правило Золотого века детектива: «Играй по-честному».

Разумеется, это не придуманная история. Все, о чем пойдет речь, случилось со мной на самом деле. И в конце концов мне пришлось разгадывать, кто со-

вершил убийство. Даже несколько. Хотя я забегаю вперед.

Дело в том, что я прочел много детективных романов и знаю: в большинстве подобных книг в наши дни есть так называемый не заслуживающий доверия рассказчик, то есть человек, от имени которого ведется повествование, и он имеет склонность приврать. Кроме того, я понимаю, что в изложении событий могу быть похож на него, как актер, играющий однотипные роли. Поэтому я постараюсь сделать все совершенно иначе. Считайте меня достойным доверия рассказчиком. Каждое мое утверждение будет правдой или, по крайней мере, тем, что в моем представлении было правдой в момент, когда эти события имели место. Ловите меня на слове.

Сказанное выше соответствует заветам Нокса под номерами 8 и 9, так как в этой книге я и Ватсон, и детектив, то есть исполняю обе роли — писателя и сыщика, а посему обязан и отыскивать улики, и делиться своими мыслями. Короче, играть честно.

Сейчас я докажу вам это. Если вы взяли за чтение моего труда ради кровавых сцен, то смерти происходят или описываются на страницах: 25, 60, 80, дважды на 91-й, а на 99-й вас ждет хет-трик. Далее последует небольшой перерыв, но описание леденящих душу подробностей возобновится на страницах 201, 238, 250, 260, 282, где-то между 275 и 284 (трудно сказать точнее), 297 и 398. Обещаю, что не обманываю вас, если только верстальщик не напортачит со страницами. В сюжете есть только одна дыра, сквозь которую вы сможете проехать на грузовике. Я умею все испортить. В книге нет секса.

Что еще?

Вам, пожалуй, пригодится мое имя — Эрнест Канингем. Это немного старомодно, так что обычно меня называют Эрн, или Эрни. Лучше было начать с этого,

но я обещал быть достойным доверия, а не профессиональным рассказчиком.

Учитывая уже изложенное, трудно решить, с чего начать. Когда я говорю «все», давайте проведем черту и отсечем от фамильного древа мою ветвь, которой и ограничимся, хотя кузина Эми однажды принесла на корпоративный пикник запретный сэндвич с арахисовым маслом, в результате чего менеджер по персоналу чуть не умер, но я не стану помещать ее имя на карточку лото.

Слушайте, мы не семейка психопатов. Одни из нас хорошие, другие плохие, а некоторые просто несчастные. А какой я?

Пока не разобрался. Разумеется, некоторое отношение к этому имеет серийный убийца по прозвищу Черный Язык и 267 000 долларов наличными, но мы до этого еще доберемся. Знаю, вас, вероятно, сейчас занимает нечто иное. Я сказал «каждый». И обещал не обманывать.

Убил ли кого-нибудь я сам? Да. Убил.

Кого?

Давайте начнем.

МОЙ БРАТ

ГЛАВА 1

Луч света, проникший сквозь занавески, сказал мне, что мой брат только что въехал на подъездную дорожку. Когда я вышел на улицу, первое, что я заметил, было то, что левая фара машины Майкла не горит. А второе — кровь.

Луна скрылась, до рассвета было еще далеко, но даже в темноте я понял, что это за темные пятна, измазавшие разбитую фару и здоровенную вмятину на крыле.

По натуре я не сова, но полчаса назад мне позвонил Майкл. Это был один из тех звонков, когда вы, разглядев время на часах мутным спросонья взглядом, понимаете, что вам сейчас сообщат не о выигрыше в лотерею. Есть у меня пара приятелей, которые периодически набирают мой номер из такси по дороге домой и взахлеб рассказывают о том, как отрывались сегодня вечером. Но Майкл не из их числа.

На самом деле это неправда. Я не стал бы дружить с людьми, которые звонят после полуночи.

— Мне нужно увидеться с тобой. Сейчас.

Он тяжело дышал. Номер на экране не высветился, значит Майкл звонил из автомата. Или из бара. Следующие полчаса я зябко поеживался, хотя был в теплой куртке, и протирал кружки на запотевшем окне, чтобы не пропустить появление брата. Когда фара его машины ослепила мне глаза, я бросил свой пост и улегся на диван.

Раздался рокот, Майкл остановил машину, выключил двигатель, но не электрику. Открыв глаза, я на

мгновение уставился в потолок, будто знал, что стоит мне встать, и моя жизнь изменится, а потом вышел на улицу. Майкл сидел в машине, опустив голову на руль. Я разрезал одинокий луч фары надвое, когда подошел к капоту, чтобы постучать в окно водителя. Майкл вылез из машины. Лицо у него было серое.

— Тебе повезло, — сказал я, кивая на разбитую фару. — Люси тебя взгреет.

— Я кого-то сбил.

— Угу. — Я засыпал на ходу, но мозг все равно отметил: он сказал «кого-то», а не «что-то». Как люди реагируют на такие новости? Откуда мне знать. Я решил, что поддакивать — это, вероятно, самое лучшее в такой ситуации.

— Парень. Я сбил его. Он сзади.

Тут сон мигом слетел с меня. *Сзади?*

— Что ты имеешь в виду, черт возьми?! Как это сзади?

— Он мертв.

— Он на заднем сиденье или в багажнике?

— Какая разница?

— Ты пил?

— Немного. — Он замялся. — Ну... чуть-чуть.

— На заднем сиденье? — Я сделал шаг и потянулся к дверце, но Майкл выставил вперед руку, и я замер. — Нужно отвезти его в больницу.

— Он мертв.

— Не могу поверить, что мы спорим по такому поводу. — Я провел рукой по волосам. — Майкл, да брось. Ты уверен?

— Никаких больниц. У него шея изогнута, как курительная трубка. И половина черепа вывернута наружу.

— Я бы предпочел услышать это от врача. Мы можем позвонить Соф...

— Люси узнает, — оборвал меня Майкл.

Ее имя, произнесенное с таким отчаянием, ясно обозначило подтекст: «Люси бросит меня».

— Все будет хорошо.

— Я пил.

— Немного, — напомнил я ему.

— Да. — (Долгая пауза.) — Всего чуть-чуть.

— Думаю, полиция пой... — начал было я, но мы оба знали, что произнесение в полицейском участке фамилии Каннингем вызывает духов, от появления которых содрogaются стены. В комнате, полной копьев, Майкл и я в последний раз оказались на похоронах, где нас окружало море синей формы. Я был достаточно высок, чтобы обвитья вокруг предплечья матери, но и достаточно юн, чтобы не отлепляться от него ни на минуту. В голове промелькнула мысль: «Что подумает Одри о нас, нахохлившихся от холода и обсуждающих рано поутру чью-то жизнь?» — но я отпихнул ее прочь.

— Он умер не оттого, что я его сбил. Кто-то подстрелил его, а *потом* я на него наехал.

— Угу.

Я попытался придать голосу убедительность, мол, да-да, конечно, я тебе верю, однако не случайно мой репертуар в школьных постановках составляли в основном роли без слов: животные с фермы, жертвы убийств, кусты. Я снова потянулся к ручке дверцы, но Майкл опять помешал мне.

— Я просто прихватил его. Подумал, ну... не знаю... это лучше, чем оставлять на улице. А потом не мог решить, что делать дальше, и оказался здесь.

В ответ я лишь молча кивал. Семья обладает силой притяжения.

Майкл потер губы руками и заговорил сквозь пальцы. От руля у него на лбу осталась небольшая красная вмятина.

— Не все ли равно, куда мы его отвезем, — произнес он.

— О'кей.

— Нужно похоронить его.

— О'кей.

— Прекрати повторять это.

— Хорошо.

— То есть прекрати соглашаться со мной.

— Тогда лучше отвезем его в больницу.

— Ты на моей стороне или нет? — Майкл поколебавшись на заднее сиденье, сел в машину и завел мотор. — Я все исправлю. Залезай.

Мне было ясно, что я сяду в машину. Но почему? Вероятно, я бессознательно надеялся, что там смогу вразумить его. Но на самом деле просто видел перед собой старшего брата, который говорил, что все будет в порядке. В такой ситуации не важно, сколько тебе лет, пять или тридцать пять, раз брательник обещает уладить дело, ты ему веришь. Тяготение.

Объясню по-быстрому. Мне, вообще-то, в тот момент было тридцать восемь и станет сорок один, когда мы доберемся до настоящего времени, но я подумал: если сбрею пару годков, это поможет моему издателю подкинуть книгу какому-нибудь знаменитому актеру.

Я залез. На место пассажира. Под ногами болталась спортивная сумка «Найк» с расстегнутой молнией. Набитая купюрами. Не стянутыми в пачки аккуратненько тонкими резинками или бумажными лентами, как в кино, а просто насованными внутрь, и сумка буквально выблевывала их на пол. Странно было топтать эти деньги ногами, такую кучу, притом что человек на заднем сиденье, вероятно, погиб из-за них. Я не смотрел в зеркало заднего вида. Ну ладно, пару раз глянул мельком, но увидел только черный ком, больше похожий на дыру в мироздании, чем на

настоящее тело, и каждый раз отводил взгляд, как только возникала опасность, что он сфокусируется.

Майкл задним ходом выехал с подъездной дорожки. Невысокий стакан или что-то в этом роде звякнул по приборной панели, упал на пол и закатился под сиденье. Слегка пахнуло виски. Впервые я обрадовался, что мой брат курит в машине травку, потому что впитавшийся в обивку кресел душок марихуаны маскировал запах смерти. Когда мы подпрыгнули, съезжая с поребрика, клацнула крышка багажника, замок на ней был сломан.

Меня пронзила ужасная мысль: у машины Майкла разбита фара и помят багажник, как будто он ударился обо что-то дважды.

— Куда мы едем? — поинтересовался я.

— А?

— Ты знаешь, куда едешь?

— В заповедник. В лес. — Майкл посмотрел на меня, но не выдержал моего взгляда, воровато покосился на заднее сиденье, тут же пожалел об этом и перевел глаза вперед. Его затрясло. — Вообще-то, я не знаю. Мне до сих пор не приходилось никого хоронить.

Мы ехали уже больше двух часов, когда Майкл наконец решил, что насобирал достаточно грязи с грунтовых дорог, и свернул на своем рычащем циклопе с мотором на какую-то поляну. Пару километров назад мы соскочили с пожарного проезда и с тех пор колесили по бездорожью. Солнце грозило вот-вот взойти. Земля была укрыта сверкающим мягким снегом.

— Здесь сойдет, — сказал Майкл. — Ты в порядке?

Я кивнул. Или, по крайней мере, подумал, что сделал это. Должно быть, я вообще не шевельнулся, так как Майкл щелкнул пальцами у меня перед носом,

чтобы вывести из ступора. В ответ я исполнил слабейший в человеческой истории кивок, словно мои позвонки — это ржавые кандалы. Майклу этого хватило.

— Не вылезай, — велел он.

Я уставился прямо перед собой. Услышал, как брат открывает заднюю дверцу и возится там, вытаскивая мужчину — дыру в мироздании — из машины. Мозг кричал, чтобы я что-нибудь сделал, но тело вело себя как предатель. И не шевелилось.

Через несколько минут Майкл вернулся — взмокший, лоб испачкан грязью — и склонился над рулем.

— Пошли, поможешь мне копать.

В ответ на его приказ члены моего тела разблокировались. Я ожидал, что земля будет холодная, думал, что услышу хруст утреннего ледка под ногами, но вместо этого мои ступни сразу погрузились в мягкий белый покров до самых лодыжек. Я пригляделся. Земля была не укрыта снегом, а затянута паутиной. Пауки накинули свои сети на высокую жесткую траву примерно в футах над землей, и эти переплетенные между собой нити паутины были такими густыми и белыми, что выглядели твердой поверхностью. То, что я принял за блестящий снег, оказалось мерцанием тончайших нитей на свету. Следы Майкла напоминали дырки в пудре. Паутиной была оплетена вся поляна. Место источало величественный покой. Я старался не смотреть на комковатую темную грудку посреди паучьего царства в том месте, где заканчивались следы Майкла. Я пошел по ним, и это было все равно что брести сквозь парящий над землей плотный туман. Брат увел меня в сторону от трупа, вероятно, чтобы уберечь от нервного срыва.

У Майкла была небольшая лопата, но мне он велел копать руками. Не знаю, почему я на это согласился. Всю дорогу сюда я думал, что страх Майкла, лихора-

дочная тревога, владевшая им, когда мы уезжали, улягутся. Должен был наступить момент просветления — осознания, что он увяз по уши и нужно поворачивать назад. Но мой брат поехал в противоположную сторону. Покинув город, он устремился навстречу заре, полный стоического спокойствия.

Тело Майкл накрыл старым полотенцем, но я видел белый локоть, который торчал наружу над паутиной, как упавший с дерева сук.

— Не смотри, — повторял Майкл всякий раз, стояло мне взглянуть в ту сторону.

Минут пятнадцать мы молча рыли землю, потом я остановился.

— Копай дальше! — приказал Майкл.

— Он шевелится.

— Что?!

— Он шевелится! Смотри. Погоди.

Паутиная пелена определенно подрагивала. Сильнее, чем ее мог бы раскачать ветер. Теперь казалось, что это не плотный снег, а покрытая рябью поверхность океана. Я почти ощущал бегущую по нитям вибрацию, как будто сам был пауком, который сплел паутину, центральным нервом.

Майкл перестал копать и посмотрел на меня:

— Иди обратно в машину.

— Нет.

Сам он подошел к телу, снял с него полотенце. Я поплелся за братом и впервые увидел труп целиком. Над одним бедром у него было темное глянцевиое пятно. «Кто-то подстрелил его, а потом я на него наехал», — сказал Майкл. Не мне судить, стрельбу я видел только в кино. На шее у мужчины виднелась выпуклость, словно он проглотил мяч для гольфа. На голове была черная балаклава, но довольно странной формы. Сквозь ткань в разных местах проступали какие-то шишки. В школе меня доставал один парень,

он клал два крикетных мяча в носок и размахивал им, подходя ко мне. Вот как выглядела эта балаклава. Мне показалось, что только ткань не дает голове трупа распасться на части. В ней имелись три отверстия: два для закрытых глаз и одно для рта. На губах у мужчины пульсировали маленькие красные пузырьки. Пена накапливалась и стекала на подбородок. Черты лица было не разглядеть, но, судя по крапчатым, опаленным солнцем рукам со вздутыми венами на кистях, он был лет на двадцать старше Майкла.

Я опустил на колени, сцепил руки и пару раз для пробы надавил бедняге на грудь. Грудная клетка ввалилась, как не должна была, я это знал, и мгновение я думал только об одном — что она как та набитая деньгами сумка с расстегнутой молнией и прогнувшейся серединой.

— Ты делаешь ему хуже, — сказал Майкл, подцепил меня под руку и поднял на ноги, собираясь увести.

— Надо доставить его в больницу, — попытался напоследок взмолиться я.

— Он этого не выдержит.

— Может, выдержит.

— Не может.

— Мы должны попробовать.

— Я не могу ехать в больницу.

— Люси поймет.

— Нет.

— Ты уже наверняка протрезвел.

— Может быть.

— Ты не убивал его... Ты же сказал, его подстрелили. А деньги чьи? — (Майкл пробурчал что-то невнятное.) — Он наверняка их украл. Скорее всего. Ты выкрутишься.

— Там двести шестьдесят тысяч.

Читатель, мы с вами уже знаем, что на самом деле их было двести шестьдесят семь тысяч, но тогда меня поразило, что у Майкла не было времени вызвать «скорую», а наскоро пересчитать наличные он успел. В противном случае, если бы он высказывал предположение, то назвал бы какое-нибудь более круглое число — двести пятьдесят тысяч, например. Кроме того, сумма была произнесена как-то призывно. По тону я не мог понять: то ли он предлагает мне часть денег, то ли констатирует факт, который важен для принятия решения.

— Слушай, Эрн, это наши деньги... — начал упрямить меня Майкл.

Значит, это было предложение.

— Мы не можем просто оставить его здесь. — И потом я добавил так твердо, как не говорил ни разу в жизни: — Я не оставляю.

Брат немного подумал и кивнул:

— Пойду проверю, как он там.

Отойдя от меня, Майкл присел на корточки рядом с телом. Пробыл там пару минут. Я был рад, что приехал, и продолжал тешить себя мыслью, что поступил хорошо. Старший брат редко прислушивается к словам младшего, но без меня ему здесь не обойтись. И я сделал все правильно. Этот мужик все это время был жив, и мы отвезем его в больницу. Майкл высокий, и мне было плохо видно, что происходит, только его согнутая спина и руки, тянущиеся к голове мужчины, — видимо, он догадался поддержать ее на случай повреждения позвоночника. Худые плечи Майкла двигались вверх-вниз. Сердечно-легочная реанимация, запуск человека, как газонокосилки. Я видел ноги раненого. На одной не было ботинка. Мой брат провел рядом с телом уже довольно много времени. Что-то не ладилось. Мы на странице 25.

Майкл встал и вернулся ко мне:

— Теперь можно его хоронить.

О чем он? Нет. Нет. Все это неправильно. Я отшатнулся и грохнулся на задницу. Липкие нити паутины обвили мои руки.

— Что случилось?

— Просто он перестал дышать.

— Перестал дышать?

— Да, перестал.

— Он мертв?

— Да.

— Ты уверен?

— Да.

— Но как же так?

— Он просто перестал дышать. Иди подожди в машине.

Стивенсон Б.

С 80 Каждый в нашей семье кого-нибудь да убил : роман / Бенджамин Стивенсон ; пер. с англ. Е. Бутенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 416 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-23023-1

Каждый в семье Каннингем кого-нибудь да убил, а некоторые — даже не один раз. Убил ли кого-нибудь Эрнест Каннингем, главный герой книги? Да. Конечно.

На затерянном в горах лыжном курорте семья Каннингем собирается в полном составе, чтобы встретить вышедшего из тюрьмы Майкла, попавшего туда из-за показаний, которые дал его родной брат Эрнест. И когда в снегу находят тело убитого человека, подозрение, естественно, падает на Майкла. И Эрнест, чтобы избавиться от чувства вины, принимается за расследование... Однако по мере появления новых трупов его начинают терзать сомнения. А что, если кто-то другой из их преступной семейки решил вспомнить прошлое?

Роман «Каждый в нашей семье кого-нибудь да убил» — блестящая смесь классического и современного иронического детектива, в лучших традициях Агаты Кристи и фильма «Достать ножи».

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Литературно-художественное издание

БЕНДЖАМИН СТИВЕНСОН
КАЖДЫЙ В НАШЕЙ СЕМЬЕ
КОГО-НИБУДЬ ДА УБИЛ

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Светлана Прохвятилова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Корректоры Анна Быстрова, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.04.2023. Формат издания 76 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 18,33.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page — www.tverpk.ru.

Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

H-MBB-31972-01-R